

Анна ЕРШОВА (г.Тверь) АБИТУРИЕНТЫ

Из цикла «Художники»

Впервые за всю историю художественного училища в шестьдесят первом году был такой большой конкурс. Весь коридор был забит абитуриентами. Сидели на стульях, на столах, вытасненных из аудиторий по случаю ремонта. Катя растерялась, в толпе она всегда чувствовала себя стеснительно. А тут так много парней — большинство. Она почувствовала на себе оценивающие взгляды. В школе Катя считалась симпатичной: миловидное, круглое, чистое лицо с большими голубыми глазами, пушистая пепельная коса, модно заплетенная набок. Девочка испугалась, что покраснеет и выдаст свое волнение. Она огляделась и устроилась в углу возле входной двери. Рядом на полу, согнув колени, сидел широколицый очкарик в неряшливой мятой одежде, брюки явно шире, чем надо, клетчатая рубашка без верхней пуговицы, карман ее сильно оттопыривался. «Не мог, что ли, одеться поаккуратней на собеседование?» — подумала Катя. Но он, как видно, не стеснялся своего вида.

Напротив на столе расположился франтоватый парень в костюме с галстуком. Выглядел он явно старше остальных, вел себя уверенно, его многие уже знали, называли Костей. Костя этот, как выяснилось, не был новичком. Он поступал во второй раз. В прошлом году он срезался на рисунке. В этот раз должно получиться — позанимался в студии. Да и преподаватели вроде добрые.

— Ты их знаешь, что ли? — спросила сидящая рядом девушка.

— Знаю, Наташенька, они недавно к нам приехали из Харьковского института. — Здравствуйте, Аркадий Иванович! — вдруг обратился он к проходящему мимо молодому мужчине. Тот, улыбаясь, кивнул.

— Вот один из них, живопись преподает на старших курсах. На собеседование пришел. А второй — Анатолий Иванович — ведет рисунок.

Из комнаты, где заседала комиссия, выглянула женщина-секретарь и объявила:

— Ребята, заходить будете по очереди.

Катя ойкнула и робко спросила:

— А кто был последний?

— Да я, наверно, — сказал чернявый худой парень. — За мной будешь.

Вышел первый абитуриент. К нему кинулись: «Ну что?»

— Работы смотрели. Спрашивали, занимался ли раньше, откуда приехал, в общем, ничего особенного.

— А про рисунки что сказали?

— Да ничего.

— Сейчас не скажут, — сказал Костя. — К экзаменам допустили?

— Ага.

— Уже неплохо.

За Катей заняли очередь сразу двое — парень и девчонка, оба из Улан-Удэ. Разговорчивая девчонка рассказала, что они вместе занимались несколько лет в студии известного художника.

Костя оглядел ладную рыженькую конкурентку.

— Как зовут?

— Лена Семенова, а это Стасик, почти мой брат.

— Правда? Как это?

Брат явно был метисом, только глаза не узкие, а большие, карие, теплые. Стасик стеснительно

сказал:

— Не брат...

Лена перебила:

— Росли мы вместе.

— Значит, у вас солидная подготовка? — продолжал разговор Костя, — тогда поступите.

— Мы, конечно, надеемся, — бодро ответила за обоих Лена.

— Ты-то уж точно, — сказал Стасик, а я ...

— Не бойся, поступишь, у тебя такая живопись!

— А рисунок?

— Да не загадывай ты раньше времени.

— А я уже маслом пишу, — заявил Костя.

— Да? А мы еще не пробовали, нам сказали — в училище научат.

Катя слушала их с завистью. У нее только год изокружка в доме культуры, больше не получилось — ушел преподаватель. К экзаменам готовилась сама. Куда уж ей соревноваться с такими соперниками. Катя начала волноваться, «мандраж подступил», как говорил ее брат Мишка. Вот сейчас не допустят ее к экзаменам... захотелось пить, но Катя не решилась пойти поискать воду.

— А ты — как тебя? — обратился Костя к очкарику

— Алексей.

— Ты, Леша, учился где-нибудь?

— Нигде. Я и рисую плохо. Вот приехал научиться.

— Ну, ты даешь! — захохотал бывалый Костя. — Тебе надо сначала в художественной школе поучиться или хотя бы кружке.

— Нет у нас в поселке такой школы. А рисовать мне обязательно надо уметь, я ведь биологом хочу стать.

Все, услышавшие Алексея, уставились на него. Костя даже слез со стола.

— При чем тут рисование?

— А как же! Виды зарисовывать.

— Пейзажи что ли? — спросила рыженькая Лена.

— Да нет. Виды растений, животных, насекомых.

— Ну ладно — растения, а животных, а насекомых? Что — муху поймашь, и она тебе позировать будет? — не отставал Костя и, оглянувшись на смеющихся слушателей, подмигнул.

— Она в банке сидеть будет.

— Так! — Костя развеселился. — Картина Алексея... как фамилия?

— Иваненко.

— Картина А. Иваненко «Муха в банке»! Третьяковская галерея!

— Зачем галерея? — застеснялся будущий биолог, — это для кафедры биологии. Я с ними договорился, примут мои рисунки.

— Так это тебе для диссертации! — Костя округлил глаза и поднял брови.

— Да. И для диссертации тоже.

— Ну, ты силен!

Круглое Лешино лицо зарозовело, а большой рот растянулся в улыбке. Блеснули ровные белые зубы.

— Вот я и...

— Эй ты, чувак в очках, твоя очередь! — крикнули от двери. Леша вскочил, потянулся застегнуть отсутствующую пуговицу, махнул рукой, пробормотал: «А-а-а-а, сойдет», почему-то рывком открыл дверь, как будто ее изнутри кто-то держал.

Костя слез со стола.

— Пойду, послушаю, как он там.

Он чуть приоткрыл дверь, заглянул, послушал немного, помотал головой и вернулся на свой стол.

— Он им про свою биологию впаривает.

— И они слушают?

— Улыбаются. Ну, что? — спросил он выходящего из кабинета Лешу. Тот с распаренным как из бани лицом шел, растерянно улыбаясь, спотыкаясь об ноги сидящих абитуриентов.

— Допустили. Почему-то...

Всем как-то стало приятно за будущего биолога. Катя успокоилась. Если его допустили, значит, и она пройдет.

— Проходите сюда, садитесь. — Аркадий Иванович показал на стул. Катя оказалась прямо перед членами комиссии.

— Ваша фамилия? — спросила секретарь.

— Арсеньева. Екатерина.

— Екатерина? — оживился второй преподаватель, которого звали Анатолий Иванович. Он с видимым удовольствием разглядывал зарозовевшую Катю.

— Посмотрим, что у вас тут, — он разложил Катины рисунки, взял один из них. — Это мама?

— Мама.

— Похожа. Ты на нее похожа, — уточнил он. Это «ты» успокоило девочку. Такое отеческое внимание.

— Ну, что, здесь все ясно. К экзаменам допускаешься.

Катя так широко и радостно улыбнулась, что преподаватели засмеялись.

— Молодец! — похвалил Костя вернувшуюся Катю.

— Ага, — сказал и Леша.

— Слушай, Леша, ты, вообще, откуда? — спросил Костя.

— С Байкала я, из Листвянки.

— Ну-у, все с тобой понятно! Там же лимнологический институт, небось, там и околачиваешься?

— Я не околачиваюсь — работаю.

— И кем же?

— Лаборантом.

— Как тебя туда взяли такого... — Костя хотел сказать «недотепу», но сильно смягчил,
— юного?

— А у меня мамка там работает.

— Научным сотрудником?

Леша улыбнулся:

— Да нет. Уборщицей. Она попросила.

— Молодец у тебя мамка! А папка кто?

Леша не сразу ответил, чуть помолчал и тихо сказал:

— Бати нет. В Байкале утонул. Два года назад.

Всем стало неловко. Костя подошел к парню, взял за плечо.

— Леша, ты меня прости. Я же не знал.

— Ничего... конечно, — сказал Леша и добавил посуровевшим голосом. — Байкал — он такой. Море.

— И ты хочешь там работать, смелый ты парень.

Юный биолог снова зарделся.

— Здесь у родни остановился? — переменял тему Костя.

— Нет. Я нигде не остановился.

— Как это? Где же ты ночуешь?

— А под лодкой. На берегу. Июль ведь.

В коридоре пробежал шумок удивления.

— А где вещи хранишь? — продолжал допрашивать Костя.

— Нигде. Все у меня с собой. Вот, — из кармана широких штанов он достал кружку, ложку, носовой платок, носки и кусок мыла. — Вот тут документы, — он показал на карман рубашки, заколотый по краю булавкой.

— У меня слов нет! — развел руками Костя, остальные заулыбались. — А питаешься

как?

— Чаем. Беру в столовой стаканов пять. А хлеб бесплатный. Ой, сколько времени?

Костя взглянул на часы:

— Полпервого.

— Я пошел, — объявил Леша, — обедать. А то весь хлеб с тарелок съедят.

Он взял с пола куртку-штормовку — на ней он сидел — выгоревшую, явно великую для него.

«Батина куртка», догадалась Катя. Ей так стало жалко Лешу! А он обернулся у двери, помахал всем рукой, улыбнулся.

— Много я повидал, в армии в Монголии служил, а такого чудика не встречал. — Может, и, правда он ученым станет. Все они чокнутые.

Лет двенадцать спустя Катя, теперь уже Екатерина Николаевна, листая какой-то научно-популярный журнал, увидела знакомое широкое лицо в очках. Статья была хвалебная — о работе молодого сибирского ученого-биолога, кандидата наук,

сотрудника Байкальского лимнологического института. Журналист писал об успешном выступлении Алексея Иваненко на международном симпозиуме. На фотографии он был в строгом модном костюме и выглядел солидно. Катя тогда порадовалась за Лешу и особенно за его маму.